

Материалы VII Конвента РАМИ

Круглый стол № 1

Модернизация в истории и теории мировой политики и мировой экономики

Сергунин Александр Анатольевич, д.полит.н., к.и.н., профессор Кафедры теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Коньшев Валерий Николаевич, д.полит.н., к.и.н., профессор Кафедры теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»?

Теория международных отношений (ТМО) как дисциплина, являясь частью политической теории, всегда в полной мере испытывала на себе смену эпох. С каждой сменой парадигмы международного развития теория была вынуждена радикально пересматривать не только свои частные теории, предназначенные для объяснения конкретных сторон международной жизни, но и сами свои основы, так они переставали соответствовать потребностям вновь наступившей эры. Не составляет исключения и современный этап развития системы международных отношений. Сегодняшняя ТМО пока не в состоянии охватить весь масштаб происшедших за последнюю четверть века перемен и старается назвать и объяснить хотя бы основные тенденции современного мирового развития.

На планетарном уровне современная эпоха часто именуется постмодерном. Чтобы подчеркнуть её качественное отличие от предыдущего этапа всемирной истории, указывают на рост взаимозависимости, обострение глобальных проблем, переход от двух-к многополюсному миру, возникновение новых угроз безопасности современному государству и международной системе в целом. Вместо конфронтации между капитализмом и социализмом главное внимание обращают на международный терроризм, наркобизнес, распространение ядерных технологий и риск их попадания в руки безответственных лидеров, религиозный фундаментализм, национализм. В то же время исчезла угроза глобальной ядерной войны, демократические принципы заметно расширили сферу своего влияния по всей планете¹.

¹ Halliday F. International society as homogeneity: Burke, Marx, Fukuyama // Millennium, 1992, vol. 21, no. 3, pp. 435-461; Wallerstein I. The world-system after the Cold War // Journal of Peace Research, 1993, vol. 30, no. 1, pp. 1-6; Schlesinger J. Quest for a post-Cold War foreign policy // Foreign Affairs, Winter 1992/93, pp. 17-28.

Эти перемены, составляющие специфику периода постмодерна и отличающие его от предыдущей исторической эпохи (модерна), признают фактически все политологи мира. Однако их научное объяснение происходит по-разному в зависимости от школы и мировоззренческих позиций автора. Для неогегельянца Ф. Фукуямы это означает конец истории в ее классическом смысле и продолжение в виде бесцельной смены поколений, напоминающей гегелевскую категорию «дурной бесконечности»². Феминисты считают, что в эпоху постмодерна есть вполне реальная возможность переустроить нынешнее «патриархальное» или – по другой терминологии – «маскулинизированное» общество на более справедливых для женщин началах.³ Для создателя «критической теории» Ю.Хабермаса вызовы эпохи постмодерна означают необходимость радикального изменения принципов модернистского общества, для того чтобы оно существовало в современных условиях⁴. Для постмодернистов, одной из школ постпозитивизма, использование этих принципов ни в коем случае невозможно. Они считают, что просвещенческая по своей природе концепция человека и общества, основанная на вере в разум, науку и прогресс, в век концлагерей, религиозных войн и экологических катастроф полностью себя дискредитировала⁵. Постмодернисты настаивают на необходимости применять принципиально новые подходы к изучению как исторического прошлого, так и современных проблем.

Проблемы, которые сейчас испытывает современная ТМО с объяснением указанных общемировых тенденций, наложились на внутренний кризис как самой теории, так и обществоведения в целом. Считается, что этот кризис порожден засильем в общественных науках позитивистских концепций, особенно структурализма. Многих ученых-обществоведов не устраивали претензии позитивизма (точнее – его современной версии неопозитивизма) на роль некой универсальной методологии. Чрезмерное увлечение неопозитивистов эмпирическими исследованиями привело к нагромождению в социальных науках не востребованной фактологии, которая слабо использовалась для построения объясняющих теорий. Когда же неопозитивисты принимались за создание теорий, итогом их деятельности становились или упрощенческие, иногда даже примитивные, концепции, или, наоборот, нарочито заумные конструкции.

Например, одна из традиционных теоретических парадигм ТМО в лице политического реализма (и его современного варианта неореализма), продолжая традицию Н. Макиавелли, до сих пор трактует политику как столкновение эгоистических интересов отдельных субъектов. В международной политике царить анархия, джунгли, где побеждает сильнейший и где мало места для мира, стабильности и справедливости.⁶ Такие категории как «сила», «баланс сил», «национальный интерес», «национальная безопасность», активно используемые реалистами со времен Г. Моргантау и А. Уолферса, по мнению многих исследователей-международников, слишком упрощенно описывают сложные политические процессы и явления.

В то же время другая парадигма ТМО – неолиберализм – склонна чрезмерно усложнять описание мотивов и внутренней структуры политической деятельности. Она также слишком идеализирует природу человека и созданный им политический мир, преувеличивает способность человечества создать общество на основе разума и

---

² Fukuyama F. The end of history and the last man. London: Penguin, 1992.- P. 287-340.

³ Elstain J.B. Public man, private woman: women in social and political thought. Oxford: Martin Robertson, 1981; Sylvester C. Feminist theory and international relations in a postmodern era..Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

⁴ Habermas J. The philosophical discourses of modernity. Cambridge: Polity Press, 1987.

⁵ Derrida J. Of grammatology. Baltimore: John Hopkins University, 1976; Foucault M. Power/knowledge: selected interviews and writings 1972-1977. Brighton: Harvester, 1980.

⁶ См., например: Bull H. The anarchical society: a study of order in world politics. New York: Columbia University Press, 1977.

справедливости. К тому же приверженцы этой парадигмы, как это ни парадоксально, часто забывают о человеке как главном субъекте политики и выдвигают на передний план политические институты, а не того, кто их создал и благодаря кому они функционируют.⁷

Нелишне отметить, что свойственное для неопозитивистов увлечение структурно-функциональным анализом не раз приводило к искаженному восприятию политической действительности, ибо сторонники этого подхода старались подогнать факты под заранее созданные логические схемы и модели. Критики неопозитивизма одними из первых указали на то, что главной опасностью структурализма и системного подхода в общественных науках является чрезмерная формализация разноликого социального процесса.

К моменту, когда в мировом академическом сообществе сложилось серьезное недовольство господством позитивизма, в рамках этой дисциплины существовали три основные парадигмы – неореализм, неолиберализм и глобализм.⁸ Основанием для этой классификации явилось то, что каждая из парадигм считала основной единицей анализа. Первое направление считало государство главным субъектом международной деятельности. Неолибералы подчеркивали, что кроме национального государства в международно-политических процессах участвуют наднациональные институты, неправительственные организации, транснациональные корпорации, международные группы давления. Глобалисты же считали, что структура международных отношений, которая в основном формируется экономическими факторами, определяет характер и направление развития мирового развития, включая негосударственных субъектов политики.

Общим для этих парадигм оставалось использование позитивизма в качестве своей философско-теоретической и методологической основы. В то же время между тремя основными направлениями ТМО существовали серьезные различия в понимании истоков, природы и целей политики, в отношении роли государства, мотивации и методов политической деятельности и т.д.

Неореализм, согласно традиции, заложенной Н. Макиавелли, настаивает на том, что главным мотивом субъектов политики является стремление получить или удержать власть. В борьбе за достижение этой цели участники политического процесса готовы использовать любые методы. Главным инструментом политической деятельности и аргументом в споре с оппонентами является сила. Конфликт в сфере политики вечен: он является одновременно движущей силой политики и формой согласования разноречивых интересов.

Неолиберализм, продолжающий традиции Г. Гроция и И. Канта, наоборот, считает, что конфликт – отнюдь не основная форма существования политики. Наряду с ним, поиск путей к согласию играет важную роль в политике. Смысл политики заключается в конструктивной, а не деструктивной деятельности. Главное предназначение политиков и политических институтов состоит в совершенствовании общества, его переустройстве на разумных и справедливых началах.

Глобализм⁹ считает, что политическая жизнь общества определяется его структурой: экономические отношения, отношения собственности, господствующий тип политической культуры. Что-либо изменить в политике можно, только изменив саму

---

⁷ Keohane R.O. After hegemony: cooperation and discord in the world political economy. Princeton: Princeton University Press, 1984; Osgood C.E. An alternative to war and surrender. Urbana: Illinois Press, 1962; Rosecrance R. The rise of the trading state, commerce and conquest in the modern world. New York: Basic Books, 1986.

⁸ Rosenau J.N. Order and disorder in the study of world politics // Globalism versus realism: international relations' third debate. Ed. by Maghroori R., Ramberg B. Boulder, Co.: Westview Press, 1982, pp. 1-7.

⁹ Иногда его называют радикализмом или структурализмом

общественную структуру. Радикалы, как и идеалисты, верят в возможность совершенствования общества, но обе школы различаются методами достижения цели. По мнению радикалов, поскольку структура является достаточно жесткой, устойчивой конструкцией, изменить ее можно только радикальным путем - насилием, революцией, войной и другими потрясениями. К этой парадигме примыкали различные леворадикальные школы – неомарксизм, неотроцкизм, анархизм, теория зависимости, концепция «центр-периферия» и т.д.¹⁰

Не все ученые согласны с данной классификацией позитивистских парадигм. Некоторые считают, что неправильно проведены разделительные линии между этими парадигмами, другие не согласны с характеристикой конкретных школ.¹¹ Некоторые течения – геополитика, исследования проблем мира и конфликтов – не укладываются ни в одну из трех указанных парадигм. Марксизм, включая его современный вариант – неомарксизм – вообще претендует на то, что он находится за пределами позитивизма. Марксизм подверг позитивизм критике намного раньше, чем появился постпозитивизм, основной современный критик позитивизма. И все же данная классификация является наиболее популярной в политической науке. Ее принимают и многие постпозитивисты.

Некоторые ученые считают, что три вышеназванные парадигмы появились еще во времена Платона и Аристотеля¹²; другие датируют их возникновение послевоенным периодом или даже 1970-ми гг.¹³ Реализм, идеализм и глобализм не только сосуществовали, но и часто конфликтовали друг с другом, стремясь добиться главенствующего положения в теории международных отношений. Западные политологи выделяют несколько этапов соперничества, или «великих дебатов», между упомянутыми парадигмами.¹⁴

Идеализм/либерализм первым возник и утвердился как теоретическая парадигма. Считается, что это произошло сразу после окончания Первой мировой войны. Его становление связывается с именем американского президента В. Вильсона, предложившего 8 января 1918 г. план послевоенного урегулирования («14 пунктов Вильсона») и последовательно отстаивавшего его на Парижской мирной конференции. Смысл предложений американского лидера заключался в переустройстве мира на принципах международного права, а не грубой силы и ничем не ограниченного соперничества. Идеями либерализма руководствовалось и первое поколение преподавателей первой в мире кафедры международных отношений, возникшей в 1919 г. в Университете Уэльса.

Либерализм безраздельно господствовал до второй половины 1940-х гг., когда возникла альтернативная парадигма - политический реализм. Его появление связывается с именем английского ученого Э. Карра, который в 1946 г. опубликовал книгу «Двадцать лет кризиса: 1919-1939. Введение в изучение международных отношений»¹⁵. В ней он подверг критике идеи либерализма, который именовал как «утопизм» и «идеализм»,

¹⁰ Malhotra V.K., Sergounin A.A. Theories and approaches to international relations. New Delhi: Anmol Publications, 1998, pp. 256-282.

¹¹ Анализ критических взглядов см.: Waever O. The rise and fall of the inter-paradigm debate // Ed. by Smith S., Booth K, Zalewski M. International theory: positivism and beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 149-154.

¹² Viotti P.R., Kauppi M.V. International relations theory. Realism, pluralism, globalism. New York: Macmillan Publishing Company, 1993.

¹³ Holsti K.J. The dividing discipline - hegemony and diversity in international theory. Boston: Allen & Unwin, 1985.

¹⁴ Neufeld M.A. The restructuring of international relations theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, p. 47; Banks M. The inter-paradigm debate // International relations: a handbook of current theory. Ed. by Light M., Groom A.J.R. London: Pinter Publishers, 1993, p. 20.

¹⁵ Carr E. The Twenty Years Crisis: 1919–1939. An introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1946.

подчеркивая его оторванность от реальности. Окончательно становление реалистической парадигмы произошло в послевоенный период, а её признанными лидерами стали такие теоретики, как американцы Г. Моргентау и А. Уолферс, а также француз Р. Арон. Борьба реализма против идеализма в рамках ТМО составила содержание «первых великих дебатов». Реалисты доказывали, что анализ политики должен быть основан на признании объективности законов международно-политического развития, а не на представлениях о справедливом мироустройстве. Рациональное познание в категориях науки противопоставлялось стремлению к идеалу на основе принципов законности и справедливости в сфере межгосударственных отношений. Дебаты продолжались до конца 1960-х гг., когда фокус дискуссий сместился от соперничества между двумя парадигмами внутрь каждой из них.

Суть «вторых великих дебатов», которые начались в 1950-е гг., составил спор между бихевиористами, предложившими использовать методы других наук (в частности психологии, социологии, прикладной лингвистики, математики) для анализа политики, и традиционалистами, которые скептически относились к нововведениям. Методы других наук были призваны преодолеть описательность и интуитивизм в изучении международных отношений. Через междисциплинарность бихевиористы стремились сделать методологию «более научной» и доказательной. Однако это направление постепенно угасло, утонув в эмпирических исследованиях и не произведя на свет общей теории. Часть бихевиористов примкнули к идеалистам/либералам, другая к реалистам. На рубеже 1960-х и 1970-х гг. реализм стал господствующей парадигмой. В это же время появилась и окрепла третья парадигма – радикализм/глобализм.

В конце 1970 и начале 1980-х гг. стартовали «третьи великие дебаты» – между позитивизмом и постпозитивизмом, в ходе которых последнему удалось подорвать былое могущество реализма.¹⁶ Это было связано не только с идейным отступлением реалистов, столкнувшихся с такими явлениями как бессмысленность гонки ядерных вооружений и политики постоянного наращивания силы, успехи европейской интеграции как основа безопасности, быстрое промышленное развитие государств «третьего мира» и рост их влияния, усиление влияния на политику транснациональных корпораций.

Помимо этого созрел очередной этап развития философско-мировоззренческих основ изучения общественных наук в целом. Широкую популярность получила работа Томаса Куна¹⁷, который напомнил миру о диалектике познания. Поскольку знание всегда относительно, любая парадигма имеет пределы, за которыми она теряет объяснительную силу. Исследователи обратились к поиску противоречий и нестыковок внутри парадигм, поскольку именно разрешение противоречий и есть путь истинного познания. На этом поприще к критике реалистической традиции помимо постпозитивистов присоединились и другие парадигмы – либерализм и глобализм.

Но есть и несколько иная трактовка содержания «великих дебатов». Датский ученый О. Вэвер считает, что «третьи великие дебаты» состоялись несколько раньше – в 1970-е гг., а их содержание составило соревнование между неореализмом, неолиберализмом и глобализмом. На этом относительно коротком этапе наблюдался период подлинного плюрализма в теории, когда три основные парадигмы не подавляли друг друга, а вели спор в цивилизованных рамках. С одной стороны, такое многоголосие обогащало ТМО, но, с другой – порождало опасность фрагментации науки.¹⁸

---

¹⁶ Lapid Y. The third debate: on the prospects of international theory in a post-positivist era // *International Studies Quarterly*, Vol. 33, No. 3, 1989, p. 237; Neufeld M.A. The restructuring of international relations theory, pp. 49-50.

¹⁷ Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. – Chicago: Chicago University Press, 1970.

¹⁸ Waever O. *The rise and fall of the inter-paradigm debate*, p. 155.

По мнению О. Вэвера, конфронтация между позитивизмом и постпозитивизмом и, соответственно, «четвертые великие дебаты», начались в 1980-е гг. и проходили в форме борьбы между гносеологическими платформами двух антиподов – рационализмом и рефлексивизмом соответственно. Суть спора сводилась главным образом к вопросу о познаваемости или непознаваемости мира и способности субъекта оставаться объективным в процессе познания.¹⁹ Если позитивизм утверждает, что мир познаваем с помощью рациональных методов, и познающий субъект с помощью определенных процедур может сохранить свои нейтралитет и объективность по отношению к изучаемому объекту, то постпозитивизм весьма скептически оценивает познавательные способности человека и категорически отвергает, что он действительно может быть объективным в процессе познания. И, в первую очередь, это касается анализа политических проблем.

Постпозитивисты утверждают, что любой исследователь исходит из определенных убеждений и предпочтений, его позиция заранее предопределена или его личными взглядами, или требованиями той социальной группы, к которой он принадлежит, т.е. его позиция «нормативна». Дихотомия объективизм-нормативизм составляет еще один водораздел между позитивизмом и постпозитивизмом. По мнению О. Вэвера, на современном этапе принципиальная разница между реализмом и идеализмом исчезла, ибо им пришлось объединить свои усилия в борьбе с общим врагом – постпозитивизмом. Главное, что обе парадигмы стоят на рационалистической платформе и этим отличаются от постпозитивизма.²⁰

На этапе «четвертых великих дебатов» позитивистские теории обратились к тенденциям реальных мировых процессов, которые требуют объяснения в терминах науки: эрозией суверенитета государства, повышением роли негосударственных акторов международных отношений, глобализацией экономической и финансовой деятельности, расширением спектра угроз безопасности, относительным падением значимости военных угроз, появлением новых глобальных угроз, возрастанием политической роли государств «третьего мира».

Некоторые из этих тенденций поставили в тупик практически все «классические» парадигмы ТМО. Так, они не смогли предсказать и объяснить, исходя из собственной логики, ни крах социализма, ни окончание «холодной войны». В этом же смысле неприятным «сюрпризом» для них оказался взлет национализма и религиозного экстремизма, причем, не только в странах «третьего мира», но и в более развитых странах. Стало очевидно, что торжество либеральной демократии во всемирном масштабе, провозглашенное Ф. Фукуямой еще в конце 1980-х гг., явно «откладывается» на неопределенный срок Эволюция. Современная международная политика государств «третьего мира» не укладывается в базовые представления о системообразующей роли национального суверенитета, потому что они зачастую им не обладают. Иную роль играет принцип баланса сил, по-другому видится роль института государства во внешней и внутренней политике стран «третьего мира».

Межпарадигмальные дебаты между «классическими» ТМО последних двух десятилетий касались таких вопросов, как изменения в составе и характере международных акторов (особенно государство); природа, направления и последствия глобализации и глобального управления; будущее капитализма как общественно-экономической формации; меняющаяся роль силы в международных отношениях; граница насилия и ненасилия; особенности модели нового мирового порядка; поиски новых подходов к определению понятия безопасности и её операционных моделей;

¹⁹ Kratochwill F., Ruggie J.G. International organization: a state of the art of an art of the state // International Organization, Vol. 40, No. 4, 1986, pp. 753-775.

²⁰ Waever O. The rise and fall of the inter-paradigm debate, p. 163.

проблема допустимости так называемых «гуманитарных интервенций»; роль правозащитной составляющей в мировой политике.

В свою очередь, все это потребовало кардинального пересмотра многих устоявшихся научных категорий и представлений о природе мировой политики. Все три «классические» парадигмы ТМО активно занимались уточнением своего понятийного аппарата и методологии, а также поиском новых объясняющих теорий. Нельзя сказать, что им это полностью удалось, но определенный прогресс был всё-таки достигнут.

Помимо попыток адаптировать категориальный аппарат и методологию к изменившимся условиям действительности, по ряду позиций наблюдается стремление к достижению межпарадигмальных компромиссов. Особенно это характерно для диалога между неолибералами и неореалистами, а также между глобалистами и неолибералами. Не в последнюю очередь это объясняется стремлением объединиться перед лицом серьезного оппонента – постпозитивизма, который повел себя весьма агрессивно по отношению к «классическим» парадигмам ТМО.

Указанные компромиссы касаются, прежде всего, проблемы акторности. Различные версии неореализма, которые ориентируются на государственно-центричную модель международной системы, все же вынуждены учитывать возрастающую роль негосударственных субъектов политики, а также широкого спектра внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов. Неореалисты соглашались с относительным падением роли государства в современной политике, хотя и оговаривают временный и неоднозначный характер этой тенденции. Они считают, что речь идет не столько о падении роли государства, а о видоизменении его роли и функций в современной мировой политике. Вместе с тем, когда это бывает необходимым, государство «выходит из тени» и напоминает о себе на практике. Так, например, случилось с кризисом еврозоны, когда даже такая мощная транснациональная организация, как Евросоюз, оказалась не в состоянии справиться с этим кризисом, и два национальных государства (Германия и Франция) были вынуждены взять на себя основное бремя по оказанию помощи Греции, Ирландии, Испании, Венгрии, Латвии и другим. Именно государство, а не гражданское общество или международные институты играют ведущую роль в борьбе с международным терроризмом.

Неореалисты во многом согласны с неолибералами в оценке роли силы в современных международных отношениях, отмечая, что её невоенные измерения приобретают все большее значение в мировой политике. Неореалисты стали изучать не только природу насилия в международной политике, но и условия сотрудничества, пусть и ограниченного с их точки зрения. В свою очередь, неолибералы активно используют категориальный аппарат, традиционно развивавшийся в рамках реалистической традиции.

Наблюдается и определенный компромисс между неолиберализмом и глобализмом. Обе парадигмы уделяют большое внимание изучению роли экономических факторов в мировой политике, считая, что они являются определяющими в развитии системы международных отношений. Неолибералы и глобалисты уделяют большое внимание необходимости стабильного социально-экономического развития различных стран и народов, ликвидации разрывов в этом развитии между социальными и этническими группами и различными типами государств (например, между Севером и Югом). Обе парадигмы достаточно позитивно относятся к процессу глобализации, считая, что он имеет объективный и необратимый характер. В то же время они не закрывают глаза на проблемы и «болевы точки» глобализации, настаивая на том, чтобы мировое сообщество предприняло меры по «исправлению» ошибок этого противоречивого процесса.

Что касается проблемы акторности в современных международных отношениях, то и неолибералы, и глобалисты считают, что, с одной стороны, происходит эрозия

государства и государственного суверенитета, а с другой – происходит расширение количества акторов, появляются нетрадиционные субъекты мировой политики, с которыми также необходимо считаться.

Между глобалистами и неолибералами много общего и в трактовке проблем войны и мира, международной безопасности. И те и другие выступают против силового решения спорных международных вопросов и, вместе с тем, одобряют мирные, политико-правовые способы решения конфликтов. Они признают важнейшую роль международного права и организаций в урегулировании спорных вопросов и деле обеспечения мира и безопасности. Те и другие выступают за дальнейшую демилитаризацию международных отношений, развитие существующих, а также создание новых режимов в области контроля над вооружениями и разоружения.

На фоне борьбы с постпозитивистами наблюдается не просто сближение, но и «сплочение» всех трёх «классических» парадигм ТМО по ряду ключевых вопросов. Так, они отрицают присущий постпозитивизму иррационализм и релятивизм и отстаивают необходимость использования в науке рациональных методов познания, верят в способность человеческого разума познать истину и использовать полученные научные знания на практике – на пользу человечеству. Для них также неприемлемо тотальное отрицание постпозитивистами государства, которое последние считают чуть ли не главным «злом», порождающим многочисленные проблемы как внутри отдельно взятых стран, так и в мировой политике. Даже глобалисты, которые сами достаточно критично относятся к государству как политическому институту и субъекту мировой политики, часто были вынуждены выступать в защиту этого актора перед лицом постпозитивистских нападок на него. Наконец, все три парадигмы объединяет понимание современных международных отношений как системы, обладающей структурой и развивающейся по определенным законам.

На стадии «четвертых дебатов» произошла определенная трансформация не только трех классических парадигм, но и главного «возмутителя спокойствия» - постпозитивизма. Эта парадигма постепенно переходит от «постмодернистской стадии», когда её представители лишь занимались тотальной критикой других направлений, не создавая ничего нового, к более «позитивной фазе» развития. Наиболее полно эта тенденция выразилась в социальном конструктивизме и постструктурализме, которые уже ставят перед собой задачу разработки своих собственных теорий.

Можно утверждать, что, несмотря на кризис, который наблюдается в ТМО перед лицом происходящих на практике трансформаций международной системы, позитивистские теории не утратили своего эвристического потенциала. В этом смысле «постпозитивистская революция» далека от завершения. Более того, её дальнейшее победное шествие вовсе не так очевидно, как считают её адепты. Неслучайно «постпозитивистская революция» в ТМО вызвала разноречивые оценки в научном сообществе.

«Революция» вполне заслуженно стала мишенью критики, которая была связана с иррационализмом постпозитивизма, его скептическим отношением к возможностям научного познания мира, релятивизмом, субъективизмом, неубедительной методологией, отрицанием традиционных (позитивистских) теоретических подходов к изучению международной жизни.

Если говорить об итогах «революции», то в известном смысле постпозитивизм стал шагом назад перед лицом кризисных явлений в политической науке. Многие «открытия» постпозитивизма – это немного подзабытое старое. Об этом ярко свидетельствует отказ в духе Ф. Ницше признавать саму возможность подлинно научного познания общественных процессов. Иррационализм – это скорее орудие интеллектуального протеста против

неуверенности и растерянности собственной мысли. Превращение критерия истинности знания в его полезность, предложенное еще философами-прагматиками конца XIX – начала XX вв., приводит к тому, что понятие истинности вообще утрачивается. У постпозитивистов проблема истины сводится к довольно примитивному, и уж точно не новому, тезису о бесконечном множестве субъективных трактовок реальности. Попытка придать этому субъективизму антураж некоторой объективации через утверждение, что речевая практика общества «порождает» истину сама по себе, выглядит наивной и отвечает субъективно-идеалистическому философскому мировоззрению. Такая точка зрения опирается на тезис Л. Витгенштейна о языке как пределе познания нашего мира. Примечательно, что сам философ в более поздних работах признал явную ограниченность своей идеи, заключавшейся в том, что язык в точности копирует окружающий человека мир. Точно так же и К. Леви-Стросс отказался от тезиса о тождестве языка и культуры, но постпозитивисты этого «не заметили» и по-прежнему настаивают на отождествлении языка и политики.

Попутно они потеряли различия между языком и речью, пытаясь использовать идеи структурализма и постструктурализма для анализа текстов (т.е. формы речи), что приводит к еще большему запутыванию проблемы субъективного и объективного. Ведь язык – это лишь некий мыслимый инвариант речевой деятельности, не данный в опыте непосредственно, а речь является субъективной формой его проявления. Но тогда приписывать конкретному тексту «языковые», а значит «объективные» в отношении индивидуума смыслы, как это делают постпозитивисты, оказывается некорректным. Чтобы получить инвариант, они обращаются к набору текстов «эпистемологического сообщества», которое в итоге якобы «производит языковые смыслы», а тем самым и формирует политическую действительность.

Неубедительными представляются попытки постпозитивизма обновить категориальный аппарат. Обилие вводимых неологизмов нередко носит избыточный характер («седиментация»), а другие термины несут метафорическое значение, экстраполируя понятия из других наук («ризом»). Часть терминов закрепляются просто через эффектные словосочетания, несущие эмоциональный заряд, но не имеющие отношения к понятийному аппарату политической теории («смерть автора», «исчезновение субъекта»). Постмодернисты нередко обращаются не к разуму, а к художественному образу в качестве инструмента рассуждений. Доказательные суждения подменяются метафорическими приемами, которые, на первый взгляд, выглядят убедительно – но не доказательно. Представители крайних форм постпозитивизма нарочито отказываются от четко определенных понятий, тем самым делая невозможным научный диалог с представителями других парадигм.

Многие критики негативно оценили отказ постпозитивистов от понятия национального интереса и суверенитета в пользу еще более спорного и размытого по смыслу понятия идентичности. Без сомнения, это стремление ввести социологические аспекты в теорию международных отношений было бы продуктивным, но в идентичность вкладывается содержание, зависящее от стереотипов восприятия «я» и «другого», которые складываются в данный момент в конкретном обществе. По существу идентичность апеллирует к социальной психологии, выводя туда и ТМО. Если учесть, что постпозитивисты предлагают сделать идентичность центральной категорией анализа, заменяющей понятия безопасности и национальных интересов, то такой путь означает неоправданную подмену предмета исследований одной науки предметом другой науки. Да и само понятие идентичности еще более расплывчато и неопределенно, чем те же критикуемые национальные интересы. Более того, идентичность подразумевает неизбежность конфликтных отношений, определяя «я» и «другой» как противопоставленное и враждебное. Но ведь именно за априорную конфликтность в

понимании природы международных отношений постпозитивисты давно критикуют реалистическую традицию.

На фоне методологической и концептуальной несостоятельности критический пыл в отношении позитивизма нередко вырождается в негативизм в духе гегелевской «дурной бесконечности». Например, критика радикальными течениями постпозитивизма государственно-центричной модели международной системы и настойчивые поиски отношений власти в любых общественных отношениях не предлагают реальной альтернативы, если обратиться к проблемам политики. И тогда в рассуждениях о международной безопасности получается, что она может быть достигнута, только если субъектами политики станут просто люди, лишённые гражданства. Другими словами, когда государство окончательно перестанет существовать. Возникает вопрос, кто и как будет примирять несовпадающие идентичности в этом гипотетическом мире, состоящем из аморфных сообществ «робинзонов»? Не есть ли это поистине фантастическая перспектива вернуться к «естественному состоянию» общества, о котором писали ещё европейские философы XVII-XVIII вв.?

Вместе с тем, было бы ошибкой видеть только негативные стороны в «постпозитивистской революции». Она привнесла в теорию международных отношений новый импульс дальнейшего развития. Это выразилось в критическом осмыслении представителями всех парадигм проблем государства, эволюции суверенитета, безопасности, роли личности в политике, в стремлении преодолеть конфронтационное мышление, которое особенно характерно для неореализма, некоторых направлений неолиберализма и глобализма. Постпозитивизм оказал определенное влияние на формирование более широкого восприятия движущих сил и акторов международных отношений, усилил интерес к этической составляющей мирового политического процесса и перспективам становления «глобального гражданского общества». Постпозитивисты также заставили своих оппонентов более ответственно относиться к написанию их текстов. Это коснулось уточнения терминологии, отхода от описательности и интуитивизма к доказательности, более четкой аргументации и логики в рассуждениях. Весьма важно, что постпозитивисты заставили все три «классические» парадигмы критически пересматривать и совершенствовать собственную методологию.

Но есть и более важное положительное влияние постпозитивизма, которое можно условно назвать «общим парадигмальным сдвигом». Сдвиг выражается в том, что на рубеже веков во многом под влиянием постпозитивизма происходит переход к созданию объясняющих теорий, например, в лице социального конструктивизма. И здесь можно согласиться с мнением, что развитие этого направления ТМО является свидетельством «возвращения к более социологической, исторической и практически ориентированной форме изучения международных отношений»²¹.

На фоне неоднозначных оценок постпозитивистского «поворота» в ТМО неслучайно появились публикации, авторы которых предприняли попытку согласовать позиции ученых, стоящих на постпозитивистских и позитивистских позициях. Стремление достичь такого компромисса стало рассматриваться как одно из проявлений межпарадигмальных дебатов, которые характерны для эволюции ТМО²². С точки зрения Х.Патомякки и К.Уайт, будущее теории международных отношений связано с опорой на философскую онтологию «критического реализма», исходящего из того, что между

---

²¹ Reus-Smit C. Constructivism // Burchill S., Linklater A., Devetak R., Paterson M., Reus-Smit C., True J. Theories of International Relations. Third ed. New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 212.

²² Patomäkki H., Wight C. After Positivism? The Promises Of Critical Realism // Theory of International Relations. Vol. IV. Contemporary Reflexive Approaches in International Relations / Ed. by S. Chan and C. Moore. London: Sage Publications, 2006. P. 245. См. также: Patomäkki H. After International Relations. Critical Realism and the (Re)Construction of World Politics. London/New York: Routledge, 2002.

исходными основаниями позитивизма и постпозитивизма нет непреодолимой границы. Если для позитивиста реальность существует в опыте, то для постпозитивиста – в дискурсе. Согласно положениям «критического реализма», мир состоит из событий, впечатлений, дискурсов и структур, независимо от того, освоены ли они в опыте или отражены в дискурсе (ядерный арсенал обладает огромной разрушительной силой безотносительно к тому, актуализирована эта тема или нет). Вместе с тем, у мира есть «интранзитивное», или скрытое измерение, в которое можно проникнуть только на основе уже имеющегося научного инструментария.

Сторонники «критического реализма» считают, что это направление способно объединить онтологический реализм, утверждающий наличие реальности, независимой от сознания; эпистемологический релятивизм, признающий, что любое мнение является социальным продуктом и поэтому может быть ошибочным; здравый рационализм, который обосновывает наши предпочтения в ходе выбора той или иной теории. Материальное и «мыслимое» надо рассматривать, как единое целое²³. Конечно, вряд ли подобное искусственное соединение разнородных теоретических и методологических элементов сможет преодолеть противоречия, характерные для разных исследовательских парадигм в области изучения международных отношений. Такие попытки уже делали, например, Р. Кохейн и Дж. Най, пытавшиеся примирить неолиберализмом с неореализмом в рамках теории взаимозависимости.

Параллельно с «критическим реализмом» в западной ТМО получает развитие течение, которое настаивает на необходимости, с одной стороны, выйти за пределы спора между различными парадигмами ТМО (так называемого «парадигмального тупика»), с другой – прибегнуть к «аналитическому эклектизму». Последний означает прагматическое использование различных методологических подходов к изучению проблем мировой политики: какой метод представляется исследователю более полезным, тот и является оправданным.²⁴ Однако, как показывает история всех общественных наук, эклектика, да еще и замешанная на субъективизме, еще никогда не приводила к реально новому научному знанию.

Рубеж XX-XXI веков показал исключительно динамичный характер ТМО. Свойственная ей, как и любой другой социальной теории, рефлексия, стремление к критическому пересмотру возникающих концептуальных построений, продолжает оставаться одним из выражений ее неисчерпанного творческого потенциала. Позиции последователей как позитивистской, так и постпозитивистской исследовательских парадигм меняются в ответ на новые вызовы времени, диктуемые процессами серьезной трансформации отношений, которые происходят после окончания «холодной войны».

Пока сложно точно определить, что составит предмет новых дискуссий, какова будет повестка «пятых дебатов». Можно лишь предположить, что, наряду с такими традиционными вопросами теоретических дискуссий, как состав и характер международных акторов, роль силы в международных отношениях, выбор конкретной модели мирового порядка, в фокусе исследователей окажутся такие проблемы, как выбор социальной модели глобального развития на фоне кризиса существующих, глобализация и глобальное управление, уточнение понятия безопасности и её операционных моделей, роль экономического, экологического и морально-этического факторов в мировой политике.

---

²³ Patomäkki H., Wight C. After Positivism? The Promises Of Critical Realism. P.271.

²⁴ Sil R., Katzenstein P. Beyond Paradigms. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics. New York: Palgrave, 2010.